

УДК 930.1+[94(477.75):910.4(=162.1)"]17/19"]

АНТОНИЙ МАРЦИНКОВСКИЙ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ КРЫМОВЕДЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Громенко С.В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: gromserg@meta.ua*

В статье на основе разнообразных материалов реконструируется жизненный и творческий путь Антония Марцинковского – польского путешественника в Крым, критика, публициста и этнографа. Приведен обзор историографии проблемы. Проанализированы воспоминания А. Марцинковского о поездке в Крым, дана оценка этого произведения.

Ключевые слова: Крым, Антоний Марцинковский, польские путешественники, записки путешественников.

Среди всех регионов современной Украины Крыму, без сомнения, принадлежит первое место по продолжительности и интенсивности исторической жизни – как в эпоху античности, так и в XIX веке. Русско-турецкие войны, присоединение Крыма к Российской империи и, наконец, Крымская война – все это способствовало развитию интереса к Крымскому полуострову [1], как со стороны официальных кругов причерноморских держав, так и различного рода путешественников. Ни одна местность на берегах Черного моря, за исключением Стамбула, не привлекала к себе так много внимания вояжеров. Исходя из этого, следовало ожидать, чтобы записки путешественников сыграли особую роль в становлении источниковедения и историографии истории Крыма, но этого не произошло ни в XIX, ни в XX веке. Как справедливо заметил известный этнограф и археолог Николай Иванович Надеждин, «известия путешественников – особый ряд богатых источников, ряд также еще не разработанный, даже не вполне изданный» [2]. Это определение целиком верно и для сегодняшнего дня. Однако, если отечественным «туристам» относительно повезло, и их сочинения сегодня переиздаются, то записки иностранных путешественников, в частности, польских, продолжают оставаться своеобразной *terra incognita*. Изучению крымоведческого наследия одного из польских путешественников в Крыму в середине XIX века – Антония Яксы-Марцинковского – и посвящена настоящая статья.

Несмотря на то, что Антоний Марцинковский являлся подданным Российской империи, а его историко-этнографические очерки касались, главным образом, украинских земель, ни в тогдашней России, ни в современной Украине не уделялось должного внимания его творческому наследию. Основной труд А. Марцинковского по этнографии – «Люди украинский» [3], не потерявший своего источниковедческого значения и до сих пор, – удостоился в отечественной печати лишь одной рецензии [4], хотя на это произведение ссылались в своих работах академики А. Пыпин [5] и М. Грушевский [6], и некоторые другие ученые. Подобным же образом обстояли дела с изучением жизненного пути Антония Марцинковского: даже в справке, помещенной в «Энциклопедическом словаре» под редакцией К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского [7], его биографии посвящены всего две строки. Важность работы

А. Марцинковского на ниве ознакомления современной ему польской общественности с новой украинской литературой отметил в своей работе статистик из Каменец-Подольского В.К. Гульдман [8].

Нынешняя украинская историография представлена, в основном, материалами, имеющими отрывочный характер, объединенными в две группы. К первой относятся работы, рассматривающие научную деятельность А. Марцинковского в контексте краеведческих исследований XIX века. Таковы книга Л.В. Баженова [9], диссертационное исследование И.М. Батыревой [10] и статья В. Ершова [11], но ни одна из этих работ не дает нам ни развернутой картины творчества этнографа и публициста, ни его биографию. Во вторую входят разноплановые сведения разрозненного характера – описание могилы Антония Марцинковского в Киеве Л.А. Проценко [12], перевод фрагмента его труда «Люд український» в альманахе «Приірпіння» [13], заметка о дате рождения в «Львівській газеті» [14]. Они также не позволяют составить целостную картину жизни и деятельности Антония Марцинковского.

Польская историография представлена несравненно лучше отечественной, хотя и в ней отсутствует фундаментальный обобщающий труд, посвященный личности и творчеству А. Марцинковского. Основным источником сведений о литературной деятельности польского критика и публициста является его книга «Воспоминания куратора журналов» [15], которая хотя и не содержит сведений биографического характера, позволяет лучше исследовать творчество писателя. Благодаря ряду литературоведческих статей в польской прессе, а в особенности работе «Несколько мыслей о повести и ее форме» [16], имя критика прочно вошло исследования по польской литературе. При жизни А. Марцинковского не было напечатано ни одной работы с упоминанием его произведений, лишь десятилетие спустя после его смерти печатаются обзорные труды, посвященные польским историческим романам [17] и истории польской литературы в целом [18], но ни в одном не приведена биография публициста. Памятные места в Киеве, связанные с деятельностью А. Марцинковского, упомянуты в одном из польских путеводителей по городу [19]. После его издания в исследованиях на данную тему наступил почти полувековой перерыв. В 1960 – 1980-х годах прошлого столетия вышло несколько работ, вновь посвященных исследованию польской публицистики и литературной критики XIX века в различных ракурсах [20 – 24], но А. Марцинковский удаивался в них лишь однократных коротких упоминаний в ряду других литераторов. Разумеется, что в указанных работах отсутствовала и его биография. После двадцатилетнего перерыва вновь из печати выходят труды, касающиеся истории польского романтизма [25 – 28], но и в них Антоний Марцинковский – второстепенный персонаж. Решительным шагом вперед стала исследовательская деятельность профессора университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине Марека Квапишевского. Он посвятил жизни и творчеству А. Марцинковского ряд публикаций [29], в которых раскрыл как творческую эволюцию литератора и этнографа, так и привел биографический очерк ученого-аматора.

Наибольшим достижением современной англоязычной историографии стала работа «Шевченко и критика» [30], в которой отмечена роль А. Марцинковского как борца за развитие тогдашней украинской литературы.

Из всего вышесказанного видно, насколько важной для отечественной науки является задача воссоздания жизненного и творческого пути А. Марцинковского.

Антоний Альберт Якса-Марцинковский родился 29 января (согласно польской традиции – 17 января) 1823 года в семье мелкопоместной польской шляхты Игнатия и Бригиды Марцинковских в Мостыщах (ныне – пгт. Гостомель Киевской обл.). Кроме него, в семье было еще двое детей – Альфонс и Михайлина. Первоначальное образование Антоний Альберт получил на дому, затем в 1838 году поступил в 5 класс Второй киевской мужской гимназии, где проучился три года. В 1841 году А. Марцинковский стал студентом университета св. Владимира, где изучал философию и литературу. Одним из виднейших преподавателей, оказавших влияние на молодого студента, был профессор Михаил Максимович.

В 1843 году в 89 номере «Tygodnika Petersburskiego» выходит первая из многочисленных впоследствии статей А. Марцинковского, подписанная псевдонимом Альберт Гриф и посвященная критике господствовавшей тогда в польской литературе т.н. «украинской школы». Молодой публицист открыто выступил в поддержку нового поколения украинских писателей, в частности, Т.Г. Шевченко, был знаком с ним лично, а в библиотеке украинского поэта имелись книги польского критика. В 1844 году из-за прогрессирующего заболевания А. Марцинковский был вынужден оставить университет и вернуться в родовое имение. В течение пяти лет, с 1845 по 1850 годы, он принимает живое участие в местной польской литературной жизни – печатает свою первую литературно-критическую книгу [31], выступает редактором и издателем альманаха, сотрудничает с киевской польскоязычной периодикой, где печатает сочинения, ставшие подлинным манифестом молодого поколения польских литераторов. Острые критические материалы вскоре приносят Антонию Альберту славу эрудита, интеллектуала и признанного теоретика литературы.

В 1850 году, с целью поправить рано утраченное здоровье, А. Марцинковский осуществляет большую поездку на юг: из Киевщины вдоль Днепра до Херсона, оттуда – в Одессу, и морем – в Крым. В дороге его сопровождали друзья, в частности, Зенон Фиш – ближайший соратник по публицистической деятельности. Обширные воспоминания о путешествии, «Степи, море и горы» [32], были изданы четыре года спустя.

А. Марцинковский, после возвращения в Мостыщи, не оставляя литературно-критической и публицистической деятельности, увлекается этнографическими исследованиями. Начав с изучения украинских пословиц и поговорок, которые он собирал в близлежащих селах, ученый-аматор пришел к полноценной разработке всего комплекса этнографического материала: песен, преданий, сказок, суеверий, обрядов, обычаев, загадок, заговоров, лечебных секретов, одежды, танцев, игр и т.п. Спустя семь лет труда вышла его капитальная двухтомная работа «Люди украинский» [3]. Хотя его рассуждения о значении мифов и преданий, как основанные на принципах мистического характера, устарели, а лингвистические

конструкции, выводящие украинский язык из санскрита, оказались ошибочны, значение данной работы как обширнейшего этнографического сборника сохраняется до сих пор. Впоследствии тема украинского народа проходила через все творчество А. Марцинковского: как литературный критик и теоретик, он поднимает эту проблему во многих своих статьях и публицистических сочинениях, а как писатель – активно вводит в свои повести не только героев из простого народа, но и широко использует украинский фольклорный материал. Позже от этнографии он переходит к истории – в 1863 году появляются двухтомные очерки «Надднепрянское пограничье» [33], одна из первых работ, где жизнь украинского общества рассматривалась на фоне пересечения культурных границ Европы, России и мусульманского мира.

На следующее десятилетие Антоний Марцинковский отходит от украинской тематики, посвящая время изучению проблематики традиционного польского католицизма и его роли в жизни польского общества, а также традиционного католицизма вообще, что нашло отражение и в переводах А. Марцинковским произведений ряда католических авторов из различных стран Европы. Лишь в 1879 году этнограф вновь обратился к украинской тематике. Последние годы, будучи тяжело больным, этот незаурядный критик, литератор и этнограф прожил в Киеве, где и скончался 12 сентября (согласно польской традиции – 31 августа) 1880 года, и был похоронен на Байковом кладбище.

Антоний Марцинковский прибыл в Крым летом 1850 года подобно своим предшественникам – из Одессы морем, намереваясь, во-первых, поправить здоровье, а во-вторых, своими глазами увидеть знакомые по сонетам А. Мицкевича местности. Первым городом на крымской земле, посещенным вояжером, стала Евпатория. Осмотрев караимские древности, путешественник морем направился в Севастополь, а оттуда, также морем, – в Ялту. Побывав в многочисленных дворянских имениях на Южном Берегу Крыма, А. Марцинковский направился в Бахчисарай, где, по прочной уже традиции, занялся этнографическими изысканиями. Он посетил также Чуфут-Кале, Чатырдаг и Аю-Даг, а позже из Ялты вернулся морем в Одессу.

Во втором томе «Степей» есть все – путевые заметки, исторические очерки и этнографические зарисовки. Вот как выглядит в изложении путешественника история Крыма: народы-кочевники древнего Крыма из поля зрения путешественника выпали, вместо того он сообщил, что «Южный берег Крыма не только не был неизвестен древним грекам, но и в первом веке после Христа был мало известен цивилизованным народам». Кочевникам позднейших эпох – печенегам, хазарам и половцам – уделено немного внимания, зато история торговли на Черном море изложена с особой тщательностью. Сквозь призму развития торговых отношений А. Марцинковский преподносит и Крестовые походы, имевшие своим последствием проникновение итальянцев в Крым, и развитие собственной государственности на полуострове, прерванной в 1475 г. вторжением турок [32, Т. 2, s. 1-12]. Имеется в работе и список путешественников, уже побывавших на полуострове; причиной этих визитов названо желание «посетить эти славные места, а более – на их месте основать для себя роскошные имения» [32, Т.

2, s. 166-169]. Есть в работе и глава, посвященная виноделию – анализируя записки путешественников по Крыму, А. Новосельский указывал, что первые похвалы в адрес древних крымских вин преувеличены. Прежде их пил только «простой люд» и только в случае отсутствия под рукой водки. Лишь после присоединения края к России виноделие вышло на новый уровень благодаря деятельности князя М.С. Воронцова [32, Т. 2, s. 253-261].

Немало страниц в своей книге путешественник уделил Крымскому ханству: предложил читателям описание источников доходов крымскотатарского государства [32, Т. 2, s. 147], дал обширную характеристику происхождения и достоинств каждого из родов беев [8, Т. 2, s. 156]. Административному устройству Крыма и рассмотрению источников доходов татарской «шляхты» также посвящены несколько страниц исследования А. Марцинковского [32, Т. 2, s. 158-161]. Политическое устройство этого государства, иерархия властных отношений, а также система ведения боевых действий во время набегов у А. Марцинковского занимает отдельную главу [32, Т. 2, s. 141-161].

Все города, через которые проезжал, польский вояжер описал, например Севастополь – «новый, белый, большой город, застроенный согласно плану <...>. От моря в город ведут лестницы в несколько сотен ступеней. Белые мраморные львы оскалываются, сторожа порт <...>» [32, Т. 2, s. 52-66], Ялту, «маленький уездный городок, в нем только две улицы и не знаю, насчитается ли 20 домов» [32, Т. 2, s. 72], Алушту: «Алушта днем грязная, как самый запущенный из наших еврейских городков; даже сами древности генуэзские выглядят достаточно свежими рядом с теми *вроде новыми* татарскими домиками» [32, Т. 2, s. 244] и многие другие. Уделил он особое внимание мечети Джума-Джами, «самой большой мечети на весь Крым; с четырнадцатью куполами, из которых средняя – наибольшая – покрыта медью, а остальные – поменьше – оловом» [32, Т. 2, s. 33-34] и дворцу в Алупке: «Этот дворец мавританский, кажется, принадлежит к тем дворцам, которые оставили после себя арабы в Испании; кажется, что это Аль-Гамбра, или какой-то дворец из «Тысячи и одной ночи» [32, Т. 2, s. 100]. Немало страниц посвящено дворянским гнездам Южнобережья [32, Т. 2, s. 71-124, 242-251].

Бахчисарай же путешественника разочаровал: «Въехали мы в Бахчисарай неожиданно; не возвышались тут златоглавые башни, ни минареты с полумесяцем пророка. Показались только какие-то магазинчики <...>, потом мельница, обросшая вербами. Это – рядовой город, едва ли несколько домов <...> город построен в одну улицу под известковой скалой <...>. Маленькие татарские домики о 3 или 4 окнах <...>. Эта столица ханов насчитывает 20 тыс. татар, но, в общем, не выглядит на это число. – И завершает. – Признаюсь, имел совершенно иное представление об этом *дворце садов*» [32, Т. 2, s. 162-164]. Такую же оценку он дал и ханскому дворцу: «он стоит сегодня такой, каким был недавно – невзрачным, убогим» [32, Т. 2, s. 165].

Разумеется, что у А. Марцинковского детально представлена этнография крымских татар и караимов [32, Т. 2, s. 124-125, 134-135, 141-143, 192-222]. Впечатляет зарисовка Иосафатовой долины, «места вечного покоя скитающегося люда, затененного старыми дубами» [32, Т. 2, s. 162-164], но наиболее замечательным по своей исторической и, особенно, художественной ценности

является описание танца дервишей [32, Т. 2, s. 184-185]. Подобным образом емко охарактеризованы и другие крымские народы [32, Т. 2, s. 41-44].

Ряд разнообразных причин – упадок некогда могучего Крымского ханства, русско-турецкие войны, расширение пределов «просвещенной» Европы на юг – сделали Крым объектом пристального внимания со стороны представителей различных кругов польского общества. И если вначале полуостровом интересовались только ученые, то впоследствии – и простые обыватели.

Одной из волн польских исследователей Крыма, чья наибольшая активность пришлась на XIX век, стали путешественники. Приезжая в Крым на отдых или с целью увидеть памятники древности, они, публикуя свои записки, объективно способствовали популяризации истории и этнографии народов Крыма на своей Родине – в землях Царства Польского.

Записки путешественников являются уникальными историографическими источниками – наибольшую ценность представляют в них не экскурсии в прошлое полуострова, а наиболее яркие впечатления, оставшиеся от посещения важнейших памятников истории и культуры Крыма, от знакомства с бытом населяющих Крым народов. В числе прочих вояжеров в Тавриде побывал и А. Марцинковский.

Описание его путешествия по Крыму на польском языке выполняло двойную функцию: привлекало сюда новых путешественников из Польши и рекламировало Крым в качестве курорта. Очерки исчезнувших ныне памятников, а также записанные Антонием Марцинковским легенды и сказки местных жителей становятся сегодня важным историческим источником.

К главным достоинствам его воспоминаний, книги «Степи, горы и море: очерки и воспоминания из путешествия», относятся занимательная форма изложения, подкрепленная литературным даром и публицистическими навыками автора; обстоятельность, проявляющаяся в тщательном изучении доступных ему источников по истории, географии Крыма – прежде всего, сочинений П.С. Палласа и С. Сестренцевича-Богуща; детальные описания увиденных памятников истории и архитектуры, в особенности – 14-страничное описание Севастополя накануне Крымской войны; широкий объем оригинального этнографического материала, набранного в ходе путешествия, и многое другое. Присутствуют в работе подробные статистические и демографические таблицы, а также фрагменты, посвященные истории изучения Крыма. Кроме того, в сочинении Антония Марцинковского видны зачатки критического подхода к источникам и литературе.

Основной недостаток второго тома воспоминаний – некритическое восприятие известий древних летописцев. Инкерман путешественник путает с Феодоро, допускает и ряд других, менее значительных ошибок. В целом, все они связаны с недостаточностью археологических исследований древних городов. По этой же причине А. Марцинковский не удостоил своим посещением руины Херсонеса – по их невзрачности в первой половине XIX века. Однако неточности, допущенные вояжером в своей книге, вполне отражают общий уровень развития исторической науки в то время и не снижают ценности всего произведения в целом.

Таким образом, можно утверждать, что записки польских путешественников, ярким образцом которых служат воспоминания А. Марцинковского, являются

вполне самостоятельным, завершённым и самоценным корпусом исторических источников, в значительной мере освещающих историю и этнографию народов Крыма, полное введение в научный оборот которых окажет существенное влияние на развитие не только отдельных аспектов историографии и источниковедения, но и всего крымоведения в целом.

Список литературы

1. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження.– Сімферополь: Бізнес-інформ, 2003.– С. 62.
2. Надеждин Н. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения.–1837.– Т. 20, отд. 3.– С. 93–136.
3. [Marcinkowski A.] Lud ukraiński, jego piesni, bajki, podania, klechdy, zabobony, obrzedy, zwyczaje, przysłowia, zagadki, zamawiania, sekreta lekarskie, ubiory, tance, gry i t.d.: W 2-h t. / Zebrał i stosownemi uwagami objasnił Antoni Nowosielski.– Wilno, 1857.– Т. I.– 380 s.; Т. II.– 282 s.
4. Дубровский П. [Рецензия] // Русский вестник.– 1857.– Т. 8, кн. 2.– С. 378–379.– Рец. на кн.: [Marcinkowski A.] Lud ukraiński.– Wilno, 1857.
5. Пыпин А. История русской этнографии: В 4-х т.– СПб., 1891.– Т. 3.– С. 294–296.
6. Грушевський М.С. Історія української літератури: В 6 т., 9 кн.– К.: Либідь, 1994.– Т. 4, кн. 2.– С. 244.
7. Марцинковский Антоний // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.– СПб., 1896.– Т. 18а.– С. 706.
8. Гульдман В.К. Населенные места Подольской губернии. Алфавит: Перечень населенных пунктов губернии с указанием некоторых справочных о них сведений.– Каменец-Подольский, 1893.– 636 с.
9. Баженов Л.В. Поділля в працях дослідників і краєзнавців XIX – XX ст.– Кам'янець-Подільський, 1993.– 214 с.
10. Батирева І.М. Традиційна культура Поділля у дослідженнях другої половини XIX – початку XX ст. // Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.05.– К.: Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2006.– 20 с.
11. Єршов В. Міф Бердичева в польскомовній мемуаристичній літературі Правобережжя // Волинь філологічна: Текст і контекст – польська, українська, білоруська та російська літератури в європейському контексті: Зб. наук. праць.– Вип. 6.– Ч. 1 / Упор. Л.К. Оляндер.– Луцьк, 2008.– С. 371–382.
12. Проценко Л.А. Київський некрополь: Путівник-довідник.– Київ, 1994.– 118 с.
13. Новосельський А. [Марцінковський А.] Український народ / Переклад та вступ. ст. А. Зборовського // Приірпіння: історико-краєзнавчий альманах.– 2002.– № 2.– С. 9–12; Зборовський А. Исполнение желаний // День.– 2002.– 21 дек.– С. 8.
14. Юрочко Б. Щоденна історія (28-30 січня) // Львівська газета.– 2005.– 28 січ.– С. 2.
15. Marcinkowski A. Pamiętniki kuratora magazynów.– Warszawa, 1858.– 159 s.
16. Marcinkowski A. Kilka myśli o powieści i jej formie.– Gazeta Warszawska.– 1855.– № 166–181.
17. Jeske-Choiński T. Historyczna powieść polska: Studium krytyczno-literackie.– Warszawa, 1899.– S. 93.
18. Chmielowski P. Historia literatury polskiej: W 6 t.– Warszawa, 1900.– Т. 5.– S. 218-221.
19. Idzikowski L. Przewodnik po Kijowie: Z poglądowym planem miasta.– K., 1913.– 174 s.
20. Bachulska H., Płoski S., Chojnacki W. Bibliografia historii Polski XIX wieku.– Wrocław, 1958.– S. 256.
21. Przewoska H., Sopoćko K. Parnas polski we wspomnieniu i anegdocie: Od Niemcewicza do Wyspiańskiego.– Warszawa, 1964.– S. 117, 321.
22. Szmydtowa Z. Polska krytyka literacka 1800-1918: Materiały.– Warszawa, 1966.– S. 11, 468.
23. Stolzman M. Czasopisma wilenskie Adama Honorego Kirkowa.– Krakow, 1973.– Т. 26.– S. 47, 53, 59.
24. Fornalczyk F. Hardy lirnik wioskowy: Studium o Kondratowiczu-Syrokomli.– Poznań, 1979.– S. 105.

25. [Antoni Marcinkowski] // Kowalczykowska A. Idee programowe romantyków polskich: Antologia.– Wrocław, 1991.– S. 376.
26. Janion M., Zakrzewski B., Maciejewski M., Dernałowicz M., Gumkowski M., Żółkiewski S., Markiewicz H., Wyczańska I. Literatura krajowa w okresie romantyzmu: 1831–1863.– Warszawa, 1992.– T. 3.– S. 57.
27. Makowski S. Wernyhora: Przepowiednie i legenda.– Warszawa, 1995.– 268 s.
28. Markiewicz H. Polskie teorie powieści: Od początków do schyłku XX wieku.– Warszawa, 1998.– S. 21, 33.
29. Kwapiszewski M. O twórczości Antoniego Marcinkowskiego: Z dziejów środowiska literackiego «Gwiazdy» // Z problematyki preromantyzmu i romantyzmu: Studia i szkice / Pod red. A. Aleksandrowicz.– Lublin, 1991.– S. 171-200; Jego ż. Powieść i zmierzch romantyzmu: Wokół refleksji krytycznoliterackiej Antoniego Marcinkowskiego // Lustra historii: Rozprawy i eseje ofiarowane Profesor Marii Żmigrodzkiej z okazji pięćdziesięciolecia pracy naukowej / Pod red. M. Kalinowskiej i E. Kiślak.– Warszawa, 1998.– S. 135-141; Jego ż. Od Alberta Gryfa do Antoniego Nowosielskiego: Biografia intelektualna późnoromantycznego krytyka // Polska krytyka literacka XIX wieku / Pod red. M. Strzyżewskiego.– Toruń 2005.– S. 170-189.
30. Luckyj G., Ferguson D., Yurkevich S. Shevchenko and the critics: 1861-1980.– Toronto, 1980.– S. 379.
31. Marcinkowski A. Ideały i karykatury: zarysy fantazyi i rzeczywistego świata.– Kijów, 1848.
32. Marcinkowski A. Stepy, morze i góry: Szkice i wspomnienia z podróży: W 2 t.– Wilno, 1854.– T. 1.– 248 s.; T. 2.– 277 s.– Изд. под псевд.: A. Nowosielski.
33. Marcinkowski A. Pogranicze naddnieprzańskie: Szkice społeczności ukraińskiej w wieku XVIII: W 2-h t.– Kijów, 1863.

Громенко С.В. Антоній Марцінковський: до питання про становлення кримозавчого напрямку в польській історіографії / С.В. Громенко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 35-42.

В статті на основі різноманітних матеріалів реконструюється життєвий та творчий шлях Антонія Марцінковського – польського мандрівника до Криму, критика, публіциста та етнографа. Наданий огляд історіографії проблеми. Проаналізовані спогади А. Марцінковського про поїздку до Криму, дана оцінка цього твору.

Ключові слова: Крим, Антоній Марцінковський, польські мандрівники, подорожні записки.

Gromenko S.V. Anthony Martsinkovsky: on the formation CRIMEAN STUDIES trends in polish historiography / S.V. Gromenko // Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 35-42.

In the article on the basis of different materials the vital and creative way of Anthony Martsinkovski – the Polish traveler to Crimea, critic, publicist and ethnographer – is reconstructed. There is a review of historiography of problem. Flashbacks of A. Martsinkovski about a journey to Crimea are analysed, and there is estimation of this work.

Keywords: Crimea, Anthony Martsinkovski, Polish travelers, messages of travelers.

Стаття поступила в редакцію 18.12.2008 з.